

(то есть которые или хорошее имеют воспитание, или при дворе обращаются, или от знатных рождены, или в науках и в чтении книг с успехом упражнялись), но не толь исправным способом, природным языку, коль искусные. Первые говорят так, как они для нужды могут, но другие, как должно и с рассуждением».¹¹

Тредиаковский резко выступал против «площадных», «рыночных» и «подлых речений»,¹² «подлого употребления», против «нестройной и безрассудной черни».¹³ Совпадение некоторых идей, представленных в филологических трудах Тредиаковского, с эстетическим направлением «Articulus unicus de rhetoricae de finitione» достаточно ярко, на мой взгляд, для того, чтобы сделать вывод об определенном влиянии риторики неизвестного французского автора на эстетические взгляды русского поэта. Разумеется, в становлении этих идей в творческом сознании Тредиаковского участвовали и многие другие обстоятельства его эстетического развития, но среди других факторов следует иметь в виду и этот.

Можно заметить, что совпадения, отмеченные выше, относятся не к французскому периоду творчества Тредиаковского, а к несколько более позднему времени. Судя по характеру его сочинений, написанных во Франции, эстетическая позиция, представленная в риторике, не могла быть близка ему в этот период. Тредиаковский находился тогда под сильным влиянием французской поэзии стиля «регентства» и, по меткой характеристике Л. В. Пумпянского, «примыкал к той культуре литературной „мелочи“, которая была знаком распада „великого вкуса“ XVII века».¹⁴ Существенные расхождения с эстетическим направлением риторики имеет также и перевод романа П. Тальмана «Езда в остров Любви», осуществленный Тредиаковским «простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим». Феномен этот может быть объяснен тем, что Тредиаковский не слушал рассматриваемых здесь лекций, а лишь изучал их позднее по чьим-то записям. Впрочем, возможно, что дело здесь в каких-то других, индивидуальных особенностях его эстетического развития.

Так или иначе интерес и, по всей видимости, глубокое изучение Тредиаковским этой риторики несомненны. И они могут быть объяснены прежде всего исходя из того, что теоретическая и практическая риторика занимали весьма существенное место в его литературной деятельности. В 1745 году он, первый из рус-

¹¹ Тредиаковский В. К. Разговор об Орфографии, с. 315.

¹² Тредиаковский В. К. Предыяснение об иронической пиме. — В кн.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 2-е изд. М., 1938, с. 89.

¹³ Тредиаковский В. К. Разговор об Орфографии, с. 325.

¹⁴ Пумпянский Л. В. Тредиаковский. — В кн.: История русской литературы. М.—Л., 1941, т. 3, с. 217—218.